

Алла Торопова

АРХИТЕКТОНИКА ИНТОНИРОВАННОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ (к обсуждению некоторых идей Л.С. Выготского)

Аннотация. Обсуждаются идеи Л.С. Выготского по проблеме целостных единиц анализа психической реальности личности, таких как переживание и его знаковость. Предпринята попытка обоснования методологического и инструментального потенциала категории «интонирование» как единицы анализа динамических проявлений потока психических переживаний, дающей возможность понять механизм превращения уникального переживания индивида в психическое орудие человечества для сохранения опыта в интонационных знаках и символах пережитого. Представлен авторский подход к архитектонике интонированного переживания, базирующийся на выделении уровней психосемантики знаковой функции интонирования.

Ключевые слова: переживание; экспрессия; интонирование; знак и знаковая функция; генезис знаковой функции интонирования; архитектоника интонированных переживаний; интонирующее сознание; интонируемая идентичность; архетипы интонирования; индивидуальный стиль интонирования личности.

Abstract. The article discusses the ideas of L.S. Vygotsky on the issue of holistic units of analysis of psychic reality of the individual, such as the experience and genesis symbolic meaning. Discuss the methodological and instrumental capacity intoning phenomena as units of analysis of dynamic displays of the flow of psychic experiences, making it possible to understand the mechanism of the conversion of a single individual experiences in a mental tool of humanity to save the experience in intonation signs and symbols of the experience of feeling. The author's approach to the architectonic of intoned experiences is shown, based on the differentiation of levels of psycho-semantics of the sign function of intoning.

Keywords: experiences of feeling; expression experiences of feeling; intoning; intonation; sign and signum function; architectonic of intoned experiences; an intoning consciousness; intonated identity; archetypes of intonings; an individual style of intoning personality.

Обращение
к категории
интонирование
в контексте идей
Л.С. Выготского

В кругу идей, представленных в научном наследии Л.С. Выготского, присутствует целый ряд вероятно изложенных размышлений, прочтение и перепрочтение которых может наталкивать сообщество на поиск новых решений и путей исследования значимых для психологии феноменов.

К размышлению над какими идеями Л.С. Выготского я приглашаю в этой статье? К дальнейшему диалогу по проблеме целостных единиц анализа психической реальности личности, таких как *переживание* и его *знаковость*.

Каковы основания связи феноменов *переживание* и *интонирование* в этом контексте? Основанием моего обращения к категории *интонирование* является позиция последних работ Л.С. Выготского, обращенная к разработке категорий *переживание* и *знак* [1, с. 382–383] как действительных целостных феноменов сознания, поддающихся изучению при условии дальнейшей операционализации. Развитие идеи операционализации категории *переживание* привело к пониманию психологической значимости выделения *наблюдаемого феномена «интонирование»*, который дает понимание *пути формирования знака переживания* и превращение единичности переживания индивида в психическое орудие человечества для сохранения опыта в культурных интонационных знаках и символах.

Кроме того, Л.С. Выготский, размышляя о «сложнейших внутренних функциях человеческого сознания», служащих истоками или переходными формами между внутренней и внешней речью, то есть о механизмах развития языкового сознания, говорит об «аффективно-волевых тенденциях» [2, с. 357] предъязыка, соотнося данное выражение с понятием «интонация». По сути, интонации предъязыка как интонированные переживания опыта сознания являются первичной функцией языкового сознания и сознания в общем смысле как осознания себя-в-мире.

Исходным основанием для соотнесения феноменов *переживание* и *интонирование* является также факт, что переживание принадлежит к внутренней структуре сознания субъекта, но для других выражается вовне и закрепляется в межличностном и культурном пространстве в *экспрессивном знаке*. Обсуждаемый феномен социокультурного и личностного *интонирования* может быть отнесен к ряду ведущих *знаковых средств сознания*, позволяющих наблюдать *внутреннее (переживание) через внешнее (интонирование)*. *Интонирующая*

Соотнесение
феноменов
переживание
и *интонирование*

функция сознания, благодаря порождению и присвоению знаковых средств, дает возможность превращать *интонированное переживание субъекта* в интонационное орудие-знак для сохранения пережитого опыта в родовой памяти культур и в феноменах языкового сознания.

Проблема предикторов языкового сознания

Вплотную к философско-психологическому пониманию сущности предикторов языкового сознания подошел М.М. Бахтин, оперируя понятиями «эмоционально-волевое мышление» и «интонирующее мышление». «Действительное поступающее мышление есть эмоционально-волевое мышление, *интонирующее мышление* (курсив мой. – А. Т.), и эта интонация существенно проникает во все содержательные моменты мысли. Эмоционально-волевой тон обтекает все смысловое содержание мысли в поступке и относит его к единственному бытию-событию» [3, с. 107].

От искусства как «общественной техники чувства» к обсуждению знаковой стороны языков искусства и сознания

Свои размышления автор этой статьи строит на фундаменте разрабатываемой в музыкальной науке и в теоретических основах искусствоведения категории – *интонирование*. Обращение к категориям искусствоведения в поиске емких объяснительных единиц анализа психики и феноменов языкового сознания, характеризующих природу формирования знаковой функции сознания для сохранения и передачи опыта переживаний, органично для контекста обсуждений научных идей Л.С. Выготского, поскольку в психологию Лев Семенович пришел из среды театралов и любителей искусства, из мира Серебряного века русской культуры, в котором он прекрасно ориентировался (см. замечательную книгу В.С. Собкина «Комментарии к театральным рецензиям Льва Выготского» [4]). Кроме того, работа Л.С. Выготского «Психология искусства» дает россыпь идей для разработки тем, категорий и приемов искусства в сфере методологии и содержания психологических исследований – от раскрытия сущности обозначения искусства как «общественной техники чувства» [5, с. 17] до исследования знаковой стороны языков искусства как опосредованного изучения феноменов сознания и способа «длительного изменения нашего поведения и нашего организма» [Там же, с. 320].

Зачем психологии категория *интонирование*?

Какие проблемы психологии могут быть подняты и исследованы с привлечением данной категории и какие предполагается рассмотреть в этой статье?

Психология нуждается в *целостной единице анализа динамических проявлений потока психических переживаний личности* (в дополнение к срезовым, статиче-

ски и статистически зафиксированным признакам, будь то интеллектуальное достижение или личностная черта, которые носят характер вырезанного из жизни «стоп-кадра»). Напомню, что Л.С. Выготский, вводя понятие *переживание*, подчеркивал его качественность как «*действительной динамической единицы сознания*» [1, с. 383].

Единицей анализа динамических проявлений переживания может быть только такая же динамическая *процессуальная единица*, каковыми являются категория и феномен интонирования. Но что представляет собой данный феномен, каковы его природа и генезис становления его знаковой функции, связывающей внутреннюю форму переживания с внешними экспрессивными актами человеческого существа и личности, какова роль интонирования как орудия развития психики человека – все эти вопросы нуждаются в обсуждении.

Основные понятия
авторского тезауруса
статьи

В ходе разворачивания текста данной статьи поставимся прояснить наше понимание и соотношение основных понятий: *переживание, экспрессия, интонирование, знаковость, генезис знаковой функции интонирования и архитектоника интонированных переживаний*. Отдельного размышления заслуживает авторское понятие *интонационный стиль личности*, в котором заключается попытка применить введенную категорию интонирования в качестве целостной единицы анализа индивидуально-психологических особенностей личности, раскрывающей «внутреннее» через «внешнее».

Л.С. Выготским были выделены такие признаки переживания, как *интенциональность* (переживание чего-то), *индивидуальность* (субъектность) и *ситуативность*, что, по мнению Л.А. Пергаменщика, позволяет «свидетельствовать о характере отношения человека к фрагменту действительности» [6, с. 38]. Я хочу акцентировать внимание на том, что уникальность встречи *субъекта с ситуацией*, актуализирующая переживание в его *интенциональности* (направленности на...), может быть выявлена благодаря такой его характеристике, как *интонируемость переживания*, то есть *выраженность для себя и других, экспрессивность*, проявляемая в ощущаемом самим субъектом телесном проживании момента, его видимом и слышимом «языке переживания». Если *интенциональность* означает переживание чего-либо, то есть отвечает на вопрос «*что?*», то *интонируемость* – это *выраженное переживание*, отвечающее на вопрос «*как я это переживаю и проживаю?*»

Наблюдаемым феноменом знаковой функции переживания (причем как его физиологической, вернее биодинамической, ткани, так и аффективно-когнитивной), отражающим сущность переживания как актуального, так и отсроченного, является ряд видимых, слышимых и ощущаемых знаков-интоном, то есть *феномен интонирования*.

О необходимости введения категории интонирования как инструмента исследования переживания

На мой взгляд, введение данной категории в психологию *необходимо*, поскольку дает возможность *сделать категорию переживания инструментальной*, то есть наблюдаемой в исследовании психической жизни как индивида, так и социальных сообществ, этнических групп и других общественных структур. Так, видимые и слышимые интономы, выражающие *переживание* страха, обреченности, подчинения или смирения, а также агрессии, бунта, истерии и вакханалии, могут охватывать целые сообщества или массы людей, показывая внутреннее через внешнее, подчас неконтролируемо, в обход сознательных демонстраций отношения в деятельности. Проявления *интонирующего сознания* актуализируют значимые переживания коллективного бессознательного.

В моем представлении *интонированное переживание* ситуации субъектом есть экспрессия, в первую очередь для самого себя, обеспечивающая *первичную*, еще *довербальную* или, вернее, *вневербальную, категоризацию чувственного опыта* на основе *эмоционально испытываемого понимания смысла* данной ситуации для данного субъекта с его *уникальным личностным и родовым опытом переживаний*, то есть *смысловой структурой его сознания*.

Соотношение каналов экспрессии смысла переживания, по А. Меграбяну

Авторское понимание обнаружило пересечение с концепцией А. Меграбяна о вкладах трех компонентов экспрессии в понимание слушающего истинных чувств говорящего [7]. Согласно исследованиям А. Меграбяна, при личном общении, особенно когда кто-то пытается понять ситуацию, можно определить вклад каждого из компонентов: 7% приходится на то, что говорится (слова); 38% – как это говорится (интонации); 55% – это выражение лица и пластика тела. В случае, когда язык тела говорит не то, что говорят слова, решающим фактором считается язык тела [Там же].

В моей авторской трактовке два невербальных компонента структуры общения являются языками интонирующего сознания – слышимым (интонации речи) и видимым (интонации движений и поз).

В данном феномене особенный интерес представляет выявление истоков формирования языка интониру-

Что понимается под
архитектоникой
переживания?

вания, его универсальных, этнокультурных и личностных знаковых средств – стихийных интоном, выразительных интонаций и интонационных символов культур и сообществ. Обращение к структуре феномена интонирования побудило к реконструкции архитектоники интонированного переживания.

Архитектоника в пространственных науках – это сочетание частей в одном целом. Но данное понятие зачастую употребляется и в описании визуальных форм искусствоведами, и в анализе музыкальной формы музыкантами, и в рассуждениях психологов. В дневниках С.Л. Рубинштейна это понятие появляется в контексте обсуждения личностной экспрессии: «...архитектоника пластики человеческого существа... в ней выражается основная его онтологическая закладка и структура – повадка, темп и ритм» [8, с. 202]. По существу, речь там идет о феномене *пластического интонирования личности*.

Архитектоника переживания – выражение, отражающее целостность переживания, имеющего сквозные проявления на всех уровнях человеческого бытия: от висцерально-моторной реакции на воздействие (например, на яркий свет, громкий звук и т.д. или на возникшую идею) и аффекта или эмоции (боли, удовольствия, тревоги) до рефлексии на переживаемое и отношения к нему.

Выявление архитектоники переживания несет прагматическую нагрузку создания *схемы уровней исследования переживания*. В исследовании переживания работают и вскрывают его сущностные характеристики и психофизиологические методы (нейрогуморальная основа переживания, нейрональная активность мозга), и психологическое исследование (эмоциональный отклик, когнитивная составляющая и осознанность переживания), и этносоциальные наблюдения принятия или отвержения определенного переживания, выявление толерантности к определенным видам переживаний (например, толерантность к переживанию сцен насилия или мистического экстаза в разных культурах разная).

Экспрессивные
языки переживания

Функция сохранения толерантности субъектов к желательным для этносов или определенных социальных групп и конфессий переживаний происходит через трансляцию, воспроизведение и восприятие «правильных» (нормативных для данной культуры и этноса) интонационных символов этих переживаний. Здесь уместно снова вспомнить выражение Л.С. Выготского о

том, что функция искусства есть «общественная техника чувства» [5, с. 17].

Процессуальная экспрессия переживания выражается во *временных* искусствах, со времен античности называемых мусическими: в танце, музыке, поэзии, декламации.

В одних мусических искусствах экспрессия переживания явлена в *видимых формах*, в других – в *слышимых* [9]. Танец и пластические формы интонирования (пантомима, мимические картины, хореография) основаны на видимых интонациях, в то время как музыка, поэзия, декламация – на слышимых. Все мусические искусства неразделимы и синкретичны, рождая синтетические формы мусических искусств – театр, балет, кино и т.д. Во внутренней форме мусических искусств можно усмотреть общую архитеконику, обусловленную архитектурой переживания. Именно поэтому феномен интонирования во всех своих формах может быть инструментом исследования и понимания сущности переживания.

В ряде научных работ автора этой статьи подробно представлен генезис знаковой функции интонированного переживания, выраженной в музыкально-языковых формах. Здесь попробуем затронуть экспрессию опыта переживаний, заключенную в *феномене видимого интонирования* – телесной пластике и танце. По нашему мнению, архитектоника интонированного переживания и в музыкальной, и в пластической форме имеет общую внутреннюю структуру, так как отражает закономерности общей знаковой функции сознания – интонирования жизненных переживаний.

Экспрессия есть выражение, проявление чувств, настроений, переживаний, экспрессивность – интенсивность выраженности состояний и переживаний. Представления об экспрессии и экспрессивности связываются с внутренним бытием человека, его наполненностью и качеством, данные представления сформировались в философской, искусствоведческой литературе, были подхвачены психологией и биологией (генетикой). Искусство после катастроф социальной истории в начале XX века дало всплеск экспрессии переживаний субъекта, находящегося под гнетом социальности, породив течение «экспрессионизм» в живописи и музыке*. Герман Бар

* Предшественниками, давшими толчок экспрессионизму в живописи, можно считать В. ван Гога, Э. Мунка, Г. Климта, П. Клее и др., в музыке – Г. Малера, А. Шёнберга, А. Берга.

Экспрессия
переживания
в видимом
и слышимом
интонировании

писал об этом периоде: «Вопль искусства в темноту, оно вопит о помощи, зовет дух: это экспрессионизм» [10, с. 22].

В психологии экспрессия трактуется как часть психологических явлений – потребностей и эмоций, отношений и коммуникации, а не просто их выразительное сопровождение. Экспрессия предстает как личностное образование, инструмент открытия внутреннего мира человека, который выплескивается вовне. Исследователь интонационного ритма и выразительного поведения человека князь С.М. Волконский в своих книгах писал о том, что выразительное поведение – «это выявление собственного “я” путем внешнего “я”; это есть самоизъявление, притом вечно изменяющееся как в себе самом, так и в своем отношении к окружающему» [11, с. 16]. Экспрессивное поведение как вечно меняющееся самоизъявление и есть *видимое и слышимое интонирование*.

Изучение
экспрессии психики
в психологии

Традиция изучения экспрессии психики была заложена работами И.М. Сеченова, И.А. Сикорского, С.Л. Рубинштейна.

Большое влияние на развитие психологического исследования выразительных движений, а также на становление концепции об экспрессии как внешнем проявлении «Я» личности оказали работы И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» и «Элементы мысли». В них он подчеркивал, что «все бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности сводится лишь к одному явлению – мышечному движению» [12, с. 71], тем самым доказывая, что и экспрессивные движения служат средством проявления психических процессов. На основе идей И.М. Сеченова стал развиваться подход к выразительным движениям как к средству объективизации психологических характеристик личности, средству создания и описания внешнего образа для «внутреннего Я» человека, основываясь на таком явлении, как «психомоторика».

«Темное мышечное
чувство» как
бессознательно
интонированное
переживание

Согласно концепции И.М. Сеченова, всякая телесная экспрессия зародилась под натиском смысла. По сути, если человек лишен смысла, то есть его эмоционального переживания, он лишен и движений. Вначале переживание внесознательно и принципиально невербализуемо самим субъектом переживания. И.М. Сеченов обозначил его суть как «темное мышечное чувство» [Там же, с. 374]. Этим понятием он описывал свойство мышцы отражать такие формы бытия, как время, пространство, движение, то есть ситуацию и субъективное переживание ее, опирающееся на концентрированный опыт переживаний личности, родовой опыт и опыт своего этноса.

Данное чувство дает психическое отражение реальности, которое служит основой построения субъективного пространства и субъективного времени личности.

Акты пространственного видения и ощущений времени зависят от опыта переживаний и носят характер «бессознательных умозаключений», как назвал их Г. Гельмгольц, натолкнувший И.М. Сеченова на идею о «темном мышечном чувстве». *Бессознательными* умозаключения являются в силу своей внесознательной и невербальной сущности, а *умозаключениями* потому, что связаны со смыслом как *вневербальной категоризацией переживаний* и развиваются в тайниках «темного мышечного чувства» и «бессознательно действующей памяти...» [12, с. 374].

Основные паттерны психомоторного слоя переживания как основа «бессознательных умозаключений»

Все эти рассуждения вносят свой вклад в разработку методологии исследования экспрессии переживаний на основе феномена интонирования и внутренней структуры его знаковой функции, а именно *базовых интоном мышечной экспрессии переживаний*.

Многие *базовые интономы* выводятся из мышечного отражения переживаний и мышечной памяти переживаний, выраженных в основных паттернах напряжения, расслабления и их сочетаний. Под паттернами сочетаний понимается такая взаимосвязь процессов, где происходит либо наращивание напряжения, либо постепенное его снижение, разрежение. Эти процессы либо уравновешены, либо асимметричны во времени (причем асимметрия во времени выражается одним из двух паттернов: либо в процессе смены напряжения и торможения генерализовано напряжение, и накопление энергии происходит за счет сжатия и интенсификации их смены; либо генерализовано торможение, и ослабление энергии происходит за счет разрядки и угасания).

Баланс процессов напряжения-торможения как основа переживания времени и энергии

Существование всего живого происходит в балансе процессов напряжения и расслабления, возбуждения и разрешения (торможения), они и образуют основные паттерны жизнедеятельности и составляют *основу переживания* встречи с реальностью. В моем понимании, этот уровень переживания и бессознательного мышечного умозаключения является базовой основой интонированного переживания в его видимых (жестовых, мимических, пластических, танцевальных и других телесных) и слышимых (вневербальных интонациях вдоха и выдоха, стопа, крика и др., просодии речи, пении и затем музыке) формах.

Эти паттерны являются *сквозными* в устройстве нашей реальности. Они зависимы, обусловлены физи-

Социокультурные
слои знаковой
функции
интонирования
переживаний

ческими объективными законами притяжения и отталкивания, гравитационного ускорения и преодоления силы тяготения; они находятся в основании психофизиологического протекания жизненных процессов, свойств нервной системы; они являются *основой психологии переживания времени и течений телесных и психических энергий*.

Тип интонирования, обслуживающий и уместный в каждом из разнообразных видов транзакций в обществе, присваиваемый с раннего детства, становится знаком, интонационным символом, считаваемым сознанием и воспроизводимым непосредственно в процессе межличностного взаимодействия. На основании этих невербальных интонационных знаков социальной принадлежности человека, его прошлого опыта или притязаний личности у нас формируются неосознаваемые раппорты, сигнализирующие о принятии или непринятии того предлагаемого содержания, которое стоит за предъявленной собеседником автоматизированной формой интонирования.

Интонирование есть, в моей интерпретации, один из способов неосознаваемых социальных дифференциаций, членящих социум на неформальные страты, всегда безошибочно относящие *человека интонирующего* «на свое место» по отношению к той или иной общности. Ярким примером может служить история Элизы Дулиттл, описанная Б. Шоу в пьесе «Пигмалион» [13].

Этнические
и социокультурные
фильтры
воплощения базовых
паттернов
интонированных
переживаний

Дж. Боулби, анализируя этологические и психоаналитические данные, вывел умозаключение: «Те знаковые стимулы, которые активизируют или прекращают определенный поведенческий паттерн, могут вначале быть общими, а могут позднее, через процесс обучения, становиться более узкими» [14, с. 37]. Значит, первичное интонирование как знаковая функция, причем задействованная как при восприятии знака, так и при активном его интонировании, с первых минут и часов жизни (по некоторым данным, даже еще в утробе) проходит через социокультурный фильтр и селекцию, производимый ближайшим окружением ребенка практически бессознательно.

Сенсорные эталоны и другие этнокультурные признаки интонационных знаков транслируются ребенку через аффективное подкрепление или неподкрепление, выполняя найденную этологами роль «социального высвободителя» или «социального подавителя». Так происходит взаимное и системное развитие сенсорно-аффективных систем и паттернов интонирования

аффекта, как звуковых, так и жестовых. Все это является фундаментом для *этнической идентификации или родового интонирования*. Таким образом, истоки «стиля» интонирования переживаний находятся как в органической природе человека, так и в его социальном и этнокультурном поле.

Созревание и развитие смысловой структуры личности (обозначаемые переживания) дополняются развитием доступных для экспрессии и восприятия интономом – «интонационного словаря личности» (обозначающий материал). Доминирующие паттерны интонированных переживаний личности могут стать основой для определения индивидуального стиля интонирования личности, являющегося внешним феноменом, презентующим особенности ее внутреннего мира, опыта ее интонированных переживаний.

В исследовании феномена интонирования для нас важна логика перехода универсальных интонационных структур на внешний языковой уровень культурно определенных значений.

В ряде своих работ автор этой статьи предлагала к обсуждению карту психосемантики интонирования (на примере музыкально-языковых форм интонирования), представляющую собой три уровня архитектоники изучаемой функции.

Первый уровень – праформы, или архетипы интонирования, – общечеловеческие энерговременные паттерны выражения переживания или аффекта, остающиеся и закрепляющиеся в универсалиях языков интонирования;

Второй уровень – культурно-конвенциональные стереотипы интонирования переживаний (этнокультурный словарь речевого, жестового и музыкального интонирования);

Третий уровень – устоявшиеся интонационно-семiotические формулы, закрепившиеся знаки культуры, проявляющиеся в языковых ветвях сознания и маркирующие его этнокультурную идентичность, – образцы выразительности речевого, пластического, музыкально-го интонирования.

Первый уровень – универсальный – вне цивилизационных, национальных и культурных различий. Этот уровень архитектоники интонированных переживаний является базовым слоем знакового интонирования благодаря мышечным паттернам первичной невербальной категоризации переживаний – *архетипам интонирования*.

Архитектоника
экспрессивной
функции
интонирования

Генез уровней
интонированного
переживания

Второй и третий уровни возвращаются в личности факторами социальной среды и культуры, воспитанием и образованием как в осознанных, так и в бессознательных формах. Это *социальные* уровни интонационного стиля личности, рамки ее идентичности, создающие водораздел между «своим» и «чужим».

Все три уровня архитектоники синкретически слиты в личностном проявлении и составляют интегральную целостность – *индивидуальный стиль интонирования* (ИСИ), в котором можно выделить наблюдаемый *телесный контур* (наряду с другими каналами экспрессии ИСИ).

Телесный
(психомоторный)
контур
интонированных
переживаний

Экспрессия личностных качеств и доминирующих переживаний интонируется через *телесный (психомоторный) контур интонированной индивидуальности*; данное понятие соотносимо с понятием «образ Я». Вследствие этого телесно-интонированная индивидуальность представляет собой важнейшее образование личности, ее доминирующие переживания и смысловые интенции. Человеческая телесность есть одухотворенное тело, проявляющееся в динамике и статике (движении и форме), имеющее внутреннюю и внешнюю составляющие. «Человеческая телесность является результатом процесса онтогенетического, личностного развития и выражает культурную, индивидуально-психологическую и смысловую составляющие уникального человеческого существа» [15, с. 3].

М.М. Бахтин, выделяя «внутреннее тело» и «внешнее тело», полагал, что «внутреннее тело – мое тело как момент моего самосознания – представляет собой совокупность внутренних органических ощущений, потребностей и желаний, объединенных вокруг внутреннего мира» [16, с. 59].

«Внутреннее тело» как экспрессивное выражение актуального эмоционального переживания феноменологически представляется в сознании субъекта как полноценный, обладающий границами и предметными свойствами объект. Образ тела, по утверждению Е.В. Буренковой, является *структурным следом эмоциональной истории человеческого существа* [17, с. 14]. Как эмоциональная история личности оставляет «структурный след» в его телесной экспрессии? Сохраняя и закрепляя следы переживаний в своих интонированных телом формах. На это обратила внимание в своих работах В.С. Мухина, например в статье «Телесная презентация души» [18].

Интонирование
в «телесной
презентации души»

В.С. Мухина в своей статье также подчеркнула связь феномена интонирования с индивидуальными и культурно-социальными кодами личности: «Интони-

вание осуществляется мимикой и жестами – лицом и телом. Мимика и жесты – индивидуальный код человека, который дает возможность четко его идентифицировать. Тем, как человек выражает свои мысли и чувства на основе языка знаков мимики и тела, он бессознательно и сознательно демонстрирует свое отношение к другому (другим). Однако при этом человек проявляет не только свои индивидуальные особенности, но и свою социально-историческую сущность, прежде всего сущность своего культурного уровня, принадлежность к тому или иному социально-типическому сообществу» [19, с. 52].

Тело выражает опыт доминирующих переживаний человека: его живость, свободу, «мышечную радость» или жесткость, напряженность или расслабленность, агрессивность или толерантность, зажимы, блоки и др.

Телесность выражает собой не только культуру самой личности, но и целого общества, целой эпохи, в которых эта телесность формируется и трансформируется в определенные формы. К. Хейнеманн называет телесность «социальной структурой» тела: «Наше тело всегда представляет собой “социальную структуру” и является выражением действующих социальных условий, как мы воспринимаем и контролируем наше физическое “Я”, как используем наше тело в качестве экспрессивного средства выражения, как мы обращаемся с нашим телом и контролируем его, как пользуемся нашим телом, располагаем им и относимся к нему» [20, с. 32].

В исследованиях Т.С. Князевой было подтверждено, что структура экспрессивной телесности отражает структуру нашей психики, являясь дорефлексивной формой отражения опыта отношений личности с окружающим миром. Моторика, связанная с процессами смысловой выразительности, выходит за рамки своего исключительного двигательного аспекта и по сравнению с предметными действиями и локомоторными актами обладает большей сложностью, поскольку управляется на основе смысла передаваемого ими содержания, включая иные механизмы подготовки, иные пути осуществления движения [21, с. 80].

Экспрессивно интонируемая моторика не просто выражает уже устойчивое внутреннее содержание, но и участвует в его формировании, как вербально выраженная мысль формируется в своем значении в процессе высказывания. Интонируемая в моторике экспрессия отражает устойчивые смысловые отношения личности, а не только текущие функциональные состояния.

Интонационное
экспрессивное
телесное
переживание

В подобных отношениях отражаются установки личности, особое отношение к себе и к миру.

Данное утверждение дополняет и обобщает все изложенные в статье размышления о возможности операционализировать категорию Л.С. Выготского *переживание* через наблюдаемый в телесной экспрессии феномен интонирования, а представленная архитектором интонированных переживаний может послужить инструментом для дальнейших исследований, в частности, в области телесной психологии, психологии личности, а также исследования психологической составляющей пластических и танцевальных практик.

1. *Выготский Л.С.* Детская психология // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. – М., 1984.

2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. – М., 1982. – С. 5–361.

3. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники. – М., 1986. – С. 80–160.

4. *Собкин В.С.* Комментарии к театральным рецензиям Льва Выготского; Выготский Л.С. Театральные рецензии. – М., 2015.

5. *Выготский Л.С.* Психология искусства. – М., 1986.

6. *Пергаменцик Л.А.* Л.С. Выготский: завещание мастера // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета»: www.evostnik-mgou.ru. – 2012. – № 1. – С. 36–42. – URL: <http://www.evostnik-mgou.ru/Articles/Doc/174> (дата обращения: 27.12.2016).

7. *Mehrabian A.* Silent Messages: Implicit Communication of Emotions and Attitudes. – 2nd ed. – Belmont, California, 1981.

8. *Рубинштейн С.Л.* Дневники. Выдержки из рукописей 1920-х годов // Человек и мир. – СПб., 2012. – С. 202.

9. *Торопова А.В.* Мусическое познание и самосознание // Развитие личности. – 2014. – № 1. – С. 161–175.

10. *Турчин В.С.* По лабиринтам авангарда. – М., 1993.

11. *Волконский С.М.* Человек на сцене. – СПб., 1912.

12. *Сеченов И.М.* Герман ф.-Гельмгольц как физиолог // Избранные философские и психологические произведения. – М., 1947. – С. 363–374.

13. Шоу Б. Пигмалион // Избранные произведения. – М., 1993. – С. 239–344.
14. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М., 2006.
15. Леви Т.С. Психология телесности в ракурсе личного развития. – М., 2013.
16. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
17. Буренкова Е.В. Телесность как выразительное искусство человека в движении и звучании // Психология телесности: теоретические и практические исследования. – Пенза, 2009. – С. 13–18.
18. Мухина В.С. Телесная презентация души // Развитие личности. – 2003. – № 2. – С. 83–110.
19. Мухина В.С. Уникальный феномен интонирования, присущий человеку и его воплощение в науках // Развитие личности. – 2015. – № 3. – С. 41–53.
20. Психология телесности: теоретические и практические исследования. – Пенза, 2009.
21. Князева Т.С. Человек выразительный, или Проблема описания экспрессивной моторики личности // Развитие личности. – 2007. – № 3. – С. 70–87.

References

1. Vygotskij L.S. Detskaya psihologiya. In: *Sobranie sochinenij*: v 6 t. T. 4. Moscow, 1984. (in Russian)
2. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech'. In: *Sobranie sochinenij*: v 6 t. T. 2. Moscow, 1982, pp. 5–361. (in Russian)
3. Bahtin M.M. K filosofii postupka. In: *Filosofiya i sociologiya nauki i tekhniki*. Moscow, 1986, pp. 80–160. (in Russian)
4. Sobkin V.S. *Kommentarii k teatral'nym recenzijam L'va Vygotskogo; Vygotskij L.S. Teatral'nye recenzii*. Moscow, 2015. (in Russian)
5. Vygotskij L.S. *Psihologiya iskusstva*. Moscow, 1986. (in Russian)
6. Pergamenshchik L.A. L.S. Vygotskij: zaveshchание мастера. In: *Elektronnyj zhurnal "Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta"*: www.evestnik-mgou.ru. 2012. No. 1, pp. 36–42. URL: <http://evestnik-mgou.ru/Articles/Doc/174> (data obrashcheniya: 27.12.2016). (in Russian)
7. Mehrabian A. *Silent Messages: Implicit Communication of Emotions and Attitudes*. 2nd ed. Belmont, California, 1981.
8. Rubinshtejn S.L. Dnevniki. Vyderzhki iz rukopisej 1920-h godov. In: *Chelovek i mir*. St. Petersburg, 2012, pp. 202. (in Russian)

9. Toropova A.V. Musicheskoe poznanie i samosoznanie. In: *Razvitie lichnosti*. 2014. No. 1, pp. 161–175. (in Russian)
 10. Turchin V.S. *Po labirintam avangarda*. Moscow, 1993. (in Russian)
 11. Volkonskij S.M. *Chelovek na scene*. St. Petersburg, 1912. (in Russian)
 12. Sechenov I.M. German f.-Gel'mgol'c kak fiziolog. In: *Izbrannye filosofskie i psihologicheskie proizvedeniya*. Moscow, 1947, pp. 363–374. (in Russian)
 13. Shou B. Pigmalion. In: *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, 1993, pp. 239–344. (in Russian)
 14. Boulbi Dzh. *Sozdanie i razrushenie emocional'nyh svyazej*. Moscow, 2006.
 15. Levi T.S. *Psihologiya telesnosti v rakurse lichnogo razvitiya*. Moscow, 2013. (in Russian)
 16. Bahtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow, 1979. (in Russian)
 17. Burenkova E.V. Telesnost' kak vyrazitel'noe iskusstvo cheloveka v dvizhenii i zvuchanii. In: *Psihologiya telesnosti: teoreticheskie i prakticheskie issledovaniya*. Penza, 2009, pp. 13–18. (in Russian)
 18. Muhina V.S. Telesnaya prezentaciya dushi. In: *Razvitie lichnosti*. 2003. No. 2, pp. 83–110. (in Russian)
 19. Muhina V.S. Unikal'nyj fenomen intonirovaniya, prisushchij cheloveku i ego voploshchenie v naukah. In: *Razvitie lichnosti*. 2015. No. 3, pp. 41–53. (in Russian)
 20. *Psihologiya telesnosti: teoreticheskie i prakticheskie issledovaniya*. Penza, 2009. (in Russian)
 21. Knyazeva T.S. Chelovek vyrazitel'nyj, ili Problema opisaniya ekspressivnoj motoriki lichnosti. In: *Razvitie lichnosti*. 2007. No. 3, pp. 70–87. (in Russian)
-

